

К.К. Кашлева

РЕЧЬ ГЕРОЕВ И «Я»-ПОВЕСТВОВАНИЕ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

На материале «Песни о Нибелунгах» анализируются особенности прямой речи героев эпоса, ее роль и функции в построении всего произведения, а также выявляются принципы соотношения речи героев и речи автора. Показано, что в прямой речи выделяются три плана: план устного предания, план устной речи XII–XIII вв. и план письменной (авторской) речи. Принципы организации и способы выражения прямой речи оказали существенное влияние на композицию поэмы, которая на 38% состоит из речи персонажей.

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык; героический эпос; «Песнь о Нибелунгах»; прямая речь; синтаксис.

Введение

Средневерхненемецкий эпос как род литературы возник в эпоху расцвета рыцарской культуры. Он подразделяется на куртуазный (*höfischer Roman*) и героический (*Heldendichtung*). К куртуазному эпосу относят произведения Генриха фон Фельдеке, Готфрида Страсбургского, Гартмана фон Ауэ, Вольфрама фон Эшенбаха и др., к героическому – «Песнь о Нибелунгах», «Кудрун» и сказания о Дитрихе Бернском.

Героический эпос является образцом письменной речи, однако он базируется на устной традиции. Основанные на устных преданиях произведения могут послужить одним из источников для опосредованной реконструкции отдельных черт устной речи в средневековый период. Особый интерес в связи с этим представляют прямая речь героев и речь автора-рассказчика от первого лица.

Прямой речи в эпосе посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. Г.А. Баева рассматривает конструкции ввода прямой речи в средневерхненемецкой литературе на материале текстов разных жанров и приходит к выводу, что важная роль таких конструкций состоит в том, что с их помощью рассказчик управляет рецепцией [1. С. 86]. В коллективной монографии «Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Groöepik» освещены различные семантические, стилистические и прагматические аспекты прямой речи в

крупнейших эпических произведениях на средневерхненемецком языке [2]. А. Бекер в монографии «Poetik der wehselrede: Dialogszenen in der mittelhochdeutschen Epik um 1200» анализирует различные аспекты диалоговых сцен на материале 26 средневерхненемецких произведений. Она проводит различие между терминами *Dialog*, *Gespräch* и *wehselrede* и полагает, что наиболее удачным термином для эпоса является *wehselrede*, поскольку содержит в себе указание на смену говорящего [3. S. 31].

Настоящее исследование сфокусировано на прямой речи в «Песни о Нибелунгах». Задачи исследования заключаются в выявлении особенностей прямой речи героев эпоса, в определении роли и функций прямой речи в композиции всего произведения и в выявлении принципов соотношения речи героев и речи автора от первого лица.

Общая характеристика прямой речи в «Песни о Нибелунгах»

Прямая речь в «Песни о Нибелунгах» отражает речь высших слоев общества: королей и королев, знати и рыцарей, что обуславливает выбор соответствующей лексики. К ней относятся, в частности, этикетные, церемониальные речевые обороты. При уважительном обращении к одному человеку используется местоимение 2 л. мн. ч. *ir* (вместо *Sie*, как в современном немецком языке):

1398	<i>Si sprach zuo dem künige: „vil lieber herre mîn, ich wolde iuch bitten gerne <...>“ [4. S. 410].</i>	Она сказала королю: – Возлюбленный господин мой, я бы хотела попросить вас...
------	---	--

«Ты» (*dû*) обычно звучит в обращении старшего к младшему или владыки к вассалу, а также в мысленной речи. На «ты» обращается королева Ута к дочери Кримхильде (строфы 12, 14), король Зигмунд и королева Зиглинда к сыну Зигфриду (строфы 51, 54, 61), король Гунтер к Хагену (строфа 100), Кримхильда к посланцу (строфа 223).

Однако в некоторых случаях допускаются варианты. Так, Гунтер и Зигфрид обращаются друг к другу на «вы», как равные (строфы 154–157). Но Гунтер

обращается к Зигфриду и на «ты», при этом в ответ звучит «вы» (строфа 311). Когда же короли договариваются о браке Кримхильды и Зигфрида, то обращаются к друг другу на «ты» (строфы 330–331). Выбор местоимения в этих случаях носит стилистический характер, тогда как оппозицию *ir* – *dû* можно считать чертой устной речи того периода.

В обращениях допускается варьирование позиции притяжательного местоимения, что также следует отнести к стилистическим приемам:

1398	<i>Si sprach zuo dem künige: “il lieber herre mîn, ich wolde iuch bitten gerne <...>” [4. S. 410].</i>	Она сказала королю: – Возлюбленный господин мой, я бы хотела попросить вас...
------	--	--

1617	<p><...> <i>dô sprach aber Hagene: "niemen sol verjehen den mînen lieben herren, was wir hi hân getân</i> <...> [4. S. 474].</p>	<p>...но тогда Хаген сказал: – Никому нельзя рассказывать моему дорогому господину, что мы здесь сделали.</p>
------	--	---

Еще одна этикетная форма – просьба: “*tuot, des ich iuch bit*” – «Сделайте, о чем я вас прошу» (строфы 157, 319, 907).

Прямая речь, как и основной текст поэмы, служит источником сведений об обществе того времени. В речи героев встречаются лексемы, номинирующие важнейшие для рыцарской культуры понятия (*dienest* ‘служба’, *erlouben* ‘позволять’,

triuwe ‘верность’, *genâde* ‘милость, благосклонность’, *minnen* ‘любить (куртуазно)’, *herre* ‘господин’, *vrouwe* ‘дама’ и т.д.). Автор «Песни» придал героическому эпосу, который повествует о произошедших в V–VI вв. событиях, куртуазную окраску. Однако, несмотря на общий куртуазный тон, из поэмы можно узнать о реальном отношении к женщинам:

891	<p><...> <i>Daz hât mich sît gerouwen</i>”, sprach daz edel wîp. “ouch hât er dar umbe zerblouwen mînen lîp <...> [4. S. 262].</p>	<p>– В этом я раскаялась, – сказала благородная дама. – Он еще и побил меня за это.</p>
-----	--	---

Широко известно, что девушки благородного происхождения, выданные замуж, полностью находились во власти супруга [5. S. 147].

Другая черта прямой речи героев – повторяемость речевых оборотов, которая свойственна устным преданиям. Так, Кримхильда неоднократно, особенно во второй части, повторяет фразу об убийстве Зигфрида в разных вариациях, но с неизменным ядром “*ez het getân*” («сделал это»):

“<...> *daz ez hât Hagen getân.*” – «Это сделал Хаген» (строфа 1007) [4. S. 296].

“<...> *wesse ich, wer ez het getân.*” – «Знаю я, кто это сделал» (строфа 1009) [Ibid.].

“<...> *jâ habt ir ez getân.*” – «Да, это сделали вы» (строфа 1043) [Ibid. S. 306].

Другие персонажи также употребляют эту конструкцию для описания убийства:

“<...> *Nu ist iu doch gewizzen, was wir haben getân.*” – «Вам известно, что мы сделали» (строфа 1456, Хаген) [4. S. 426].

“<...> *Hagen hât es niht getân.*” – «Хаген этого не делал» (строфа 1042, Гунтер) [Ibid. S. 306].

Эта фраза в поэме иногда описывает и какое-то другое кровопролитие (строфы 1617, 1622).

Кроме того, в прямой речи присутствуют типичные для средневенхненемецкого языка черты, поскольку текст эпоса – письменная речь, которую создавал автор, исходя из известных ему норм. В первую очередь, это грамматические особенности.

Для средневенхненемецкого периода было характерно употребление двойного отрицания, которое складывалось из сочетания в одном предложении слова с отрицательной клитикой и отрицательного слова:

1187	<p><i>Dô sprach der kunic Gunther: "ine kan daz niht verdagen</i> <...> [4. S. 348].</p>	<p>Тогда король Гунтер сказал: – Я не могу промолчать...</p>
------	--	--

Что касается временных форм, то основными для прямой речи являются презенс (1) и перфект (2) индикатива, хотя встречаются и формы конъюнктив (3).

(1) “*hie kumt der starke Sîvrit, der helt von Niderlant.*” – «Вот идет могучий Зигфрид, герой из Нидерландов» (строфа 88) [4. S. 30].

(2) “<...> *jâ habt ir iz getân.*” – «Да, это сделали вы» (строфа 1043) [Ibid. S. 306].

(3) “*ob ich ein fürste wære*”, sprach der spilman <...> – «...будь я государем, – сказал шпильман» (строфа 1672) [Ibid. S. 490].

В противовес перфекту в прямой речи в остальном тексте чаще встречается претерит.

Важную роль в конструировании временного плана играют модальные глаголы. Так, конструкция вида «модальный глагол + инфинитив» часто имеет футуральный оттенок: “*Sô wil ich dir ze wîbe mîne swester geben.*” – «Тогда я отдам тебе свою сестру в жены» (строфа 332) [4. S. 102].

В поэме можно встретить такие модальные глаголы, как *suln*, *wellen*, *müezen*, *mügen*, *künnen*.

79	<p><i>Des antwurt dem künige von Metzen Ortwîn, rîch und küene, moht er wol sîn: "sît wir ir niht erkennen, nu sult ir heizen gân nâch mînem æheim Hagenen. den sult ir si sehen lân.</i>" [4. S. 28].</p>	<p>Ответил королю Ортвин Мецский (он был очень могуч, благороден и смел): – Мы их не знаем, вам стоит позвать моего дядю Хагена. Пусть он на них посмотрит.</p>
314	<p>“<i>Des râtes wil ich volgen.</i>” dâ mit si giengen dan. [Ibid. S. 96].</p>	<p>– Я последую совету. – С этим они разошлись.</p>
1398	<p><i>Si sprach zuo dem künige: "vil lieber herre mîn, ich wolde iuch bitten gerne, moht iz mit hulden sîn, daz ir mich liezet sehen, ob ich daz het versolt, ob ir den mînen vriunden wæret inneclichen holt.</i>" [4. S. 410].</p>	<p>Она сказала королю: – Возлюбленный господин мой, я бы хотела попросить вас доброжелательно принять моих родственников, если вы склонны показать мне, что я это заслужила.</p>

390	<...> <i>ob ich gewalt des hete, si müese werden mîn wîp.</i> ” [Ibid. S. 118].	– Будь это в моих силах, она бы стала моей женой.
248	“ <i>Ir muht in gerne danken</i> ”, sprach dô Liudegêr <...> [Ibid. S. 76].	– У вас есть причины благодарить их, – сказал тогда Людегер.

Еще одной распространенной глагольной формой является императив:

Dô sprach diu juncvrouwe: “nu merket, waz ich sage! <...> – «Тогда юная дама сказала: – Теперь послушайте, что я скажу!» (строфа 356) [4. S. 108].

Употребление императива естественно для поэмы, в которой тема взаимоотношений владык и вассалов является одной из центральных.

Приведенные данные показывают, что распределение временных форм в «Песни» вполне типично.

Конструкции ввода прямой речи

Конструкции ввода прямой речи в тексте играют роль мостика, соединяющего основное повествование, речь автора с речью героев.

В немецкоязычной литературе для обозначения таких конструкций принят термин *Inquit-Formel* – формула ввода прямой речи. Однако применительно к эпосу такой термин может звучать неоднозначно, поскольку то, какие именно речевые обороты в средневековых текстах можно считать формулами, является дискуссионным. Сам термин «формула» не всегда употребляется в одинаковом значении в трудах разных исследователей. Часть ученых руководствуются определением, предложенным М. Пэрри («группа слов, регулярно встречающаяся в одних и тех же метрических условиях и служащая для выражения того или иного основного смысла») [6. С. 14], некоторые используют термин «формула» как синоним термина «клише». Более удачным представляется использование в данном случае термина «конструкция ввода прямой речи».

Конструкция ввода может занимать пре-, пост- или интерпозицию по отношению к прямой речи. Иногда вводная конструкция отсутствует совсем, как в строфах 155–156, 337, 342, 391, 418–420, 453, или встречается и в начале, и в середине или конце прямой речи, как в строфах 353–354, 471, 496, 511–512 (двойная конструкция). Самая большая доля приходится на

препозицию (66%) и интерпозицию (22,5%). Двойная конструкция встречается в 2,7% случаев, постпозиция – только в 1% случаев, а в 6,8% случаев вводной конструкции нет.

У. Хеннинг, сравнив «Песнь о Нибелунгах» и «Евангелие» Отфрида, предположила, что автор «Песни» отбирал возможные варианты ввода прямой речи в соответствии с ритмическими требованиями нибелунговой строфы. При этом она ставит под вопрос возможность того, что такая комплексная система ввода прямой речи могла быть заимствована из устной традиции [7. S. 167].

Одной из наиболее частотных схем ввода прямой речи является конструкция с глаголом *sprêchen*:

<i>Dô</i>	<i>sprach</i>	<i>S</i>
then	3SG-say-PST	SBJ
‘Тогда (субъект) сказал(а)’		

или:

<i>sprach</i>	(	<i>S</i>
	<i>dô</i>)	
3SG-say-PST	t	SBJ
	hen	
‘сказал(а) (субъект)’		

Подобная структура обеспечивает тесное слияние вводных слов и прямой речи, придавая строфе композиционное единство.

Похожую схему можно найти в эддической поэзии. Е.М. Мелетинский указывал, что к формульным общим местам в эддических песнях принадлежит введение или заключение прямой речи: *þá qvað þat Guðrún, Giúca dóttir* – «Сказала тогда Гудрун Гьюкадоттир (дочь Гьюки)». Менее распространен вариант с глаголом *andsvara* ‘отвечать’ (как и в «Песни»). Е.М. Мелетинский привел такую формулу [8. С. 81–82]:

<i>þa / Hitt</i>	<i>qvað</i>	<i>þat / þá</i>	+ имя и отчество / прозвище
then / that	3SG-say-PST	that / then	SBJ
‘Тогда / вот сказал(а) тот / тогда (субъект)’			

Сопоставление с эддической поэзией позволяет предположить, что конструкции ввода прямой речи в «Песни» вида *Dô sprach...*, вероятнее всего, были созданы в подражание устной традиции либо прямо заимствованы из нее.

Для ввода прямой речи могут использоваться глаголы говорения или ментальной деятельности. Из глаголов говорения употребляются следующие: (1)

sprêchen ‘говорить’, (2) *antwûrten* ‘отвечать’, (3) *vrâgen* ‘спрашивать’, (4) *reden* ‘говорить’, (5) *rüefen* ‘кричать’ (чаще встречается во второй части), (6) *jêhen* ‘говорить’, (7) *(en)biten* ‘просить’, (8) *sagen* ‘сказать’. К этой же группе примыкают глаголы (9) *grüezen* ‘приветствовать’, (10) *enphâhen* ‘встречать’ и выражение (11) *niht langer verdagen* ‘не молчать больше’.

(1)	¹⁶⁷² “ob ich ein fürste wære”, sprach der spilman, “und solde ich tragen krône, ze wibe wold ich hân die iuwern schœnen tohter. des wünschet mir der muot. diu ist minneclich ze sehen, dar zuo edel und guot.” [4. S. 490].	– ...будь я государем, – сказал шпильман, – имей я корону, тогда я бы пожелал вашу прекрасную дочь в жены. Этого жаждет мое сердце. На нее приятно посмотреть, она высокородна и невинна.
(2)	⁷⁹ Des antwortte dem kunege von Metzen Ortwin, rîch und küene, moht er wol sîn: “sît wir ir niht erkennen, nû sult ir heizen gân nâch minem æheim Hagene. den sult ir si sehen lân.” [Ibid. S. 28].	Ответил королю Ортвин Мецский (он был очень могуч, благороден и смел): – Мы их не знаем, вам стоит позвать моего дядю Хагена. Пусть он на них посмотрит.
(3)	³⁸⁸ Er vrâgte Sîvrîde, den gesellen sîn: “ist iu daz iht künde umb disiu magedîn, di dort her nider schouwent gein uns ûf die fluot? swi ir herre heize? si sint vil hôhe gemuot.” [Ibid. S. 118].	Он спросил Зигфрида, своего товарища: – Возможно, вы знаете, кто эти девушки, которые там сверху смотрят вниз на нас в море? И как зовут их господина? Они очень сильные духом.
(4)	²³²⁴ “Jâne dunket sich von Berne der herre Dieterîch nie sô starc des lîbes und ouch sô griuwelich – und wil erz an uns rechen, daz im ist getân”, alsô redete Hagene, “ich tar in rehte wol bestân.” [Ibid. S. 680].	– Да, кажется, король Дитрих Бернский могуч, а еще так страшен, как никогда в жизни, и собирается мстить нам за то [зло], что [мы] ему причинили, – так сказал Хаген. – Но я попытаюсь его одолеть.
(5)	²²⁹⁰ Dô rief der herre Gîselher Wolfharten an: “ouwê, daz ich sô grimmen vîent ie gewan! <...> [Ibid. S. 670].	Тогда король Гизелер закричал Вольфхарту: – Горе, что я приобрел такого сильного врага!
(6)	¹⁰⁴⁰ <...> Kriemhilt begonde jehen : “swelcher sî unschuldige, der lâze daz gesehen! <...> [Ibid. S. 306].	Кримхильда начала говорить: – Кто считает, что невиновен, должен это доказать.
(7)	¹²¹⁷ <...> dô bâten si die degene: “nû lazet doch geschehen, ob ir anders niht getuot, daz ir den boten ruochet sehen!” [Ibid. S. 358].	Тогда герои попросили ее: – Раз так, согласитесь хотя бы, если вы не хотите большего, принять посланника.
(8)	²³⁰⁸ Dô sagt er sînem herren: “ez tet Hagene. <...> [Ibid. S. 674].	Тогда он сказал своему господину: – Это сделал Хаген.
(9)	¹⁴³⁶ Der kûnec gezogenliche grüezen si began. “sît willekomen ir beide, ir Hiunen spilman <...> [Ibid. S. 422].	Король учтиво поприветствовал их: – Добро пожаловать вам обоим, гунские шпильманы.
(10)	¹⁹¹⁹ Alsô der herre Blædelîn für die tische gie, Dancwart, der marschalch, in vlîzeclîche empfie : “willekomen her ze hûse, min her Blædelîn! <...> [Ibid. S. 562].	Когда господин Блэдель подошел к столу, рыцарь Данкварт особенно вежливо встретил его: – Добро пожаловать в этот дом, господин Блэдель!
(11)	¹⁵⁹⁹ <...> dône wolde Hagene niht langer si verdagen : “wer jaget uns ûf der strâze?” [Ibid. S. 468].	Тогда Хаген не захотел больше молчать: – Кто нас преследует?

Особое положение занимает глагол *denken* ‘думать’, который обозначает мысленную речь героев.

²⁸³	Er dâht in sînem muote: “wi kunde daz ergân, daz ich dich minnen solde? daz ist ein tumber wân <...>” [Ibid. S. 86].	Он подумал про себя: «Как это возможно, что я осмелился тебя полюбить? Это глупая химера».
⁴²⁸	si dâhten : “unser reise diu ist uns rechen niht ze guot.” [Ibid. S. 128].	Они подумали: «Это путешествие для нас, героев, не к добру».

Мысли героев представляют собой образец монологической речи, тогда как в целом в поэме прямая речь преимущественно диалогическая. С художественной точки зрения этот прием позволяет автору

лучше раскрыть внутренний мир и характер героев. Иногда прямой речи предшествует описание действий, которые сопровождают слова героев (например, строфы 445, 2001). Этот способ низкочастотен.

⁴⁴⁵ *Wol hört diu maget edele, waz der degē sprach.
mit smielendem munde si über ahsel sach:
“nu er dunke sich sô küene, sô traget in ir gewant.
ir vil scharpfen wâffen gebet den recken an die hant.”* [Ibid. S. 134].

Благородная девица слушала, что говорил герой. С улыбкой на устах она посмотрела через плечо:
– Если ему кажется, что он так смел, несите ему доспехи. Дайте герою в руку острейший меч.

Разнообразие вводных конструкций позволяет автору оформить текст стилистически, тогда как функционально вводные конструкции сигнализируют о том, что дальше последует речь персонажа. Это особенно важно при чтении рукописи, где нет никаких пунктуационных обозначений.

Речь автора от первого лица

В широком смысле все повествование, включая прямую речь персонажей, ведется автором, а значит, прямая речь неизбежно подвергается литературной обработке. В то же время рассказчик, транслирующий устное предание, претендует на то, что передает слова героев без

искажения. Однако даже при устной передаче прямая речь претерпевает изменения, которые вольно или невольно вносит рассказчик. В случае же письменной фиксации эпоса автор сознательно обрабатывает и изменяет прямую речь персонажей. При этом он сохраняет напоминание о том, что «Песнь о Нибелунгах» основана на устной традиции: таким напоминанием становится речь автора от первого лица, «я»-повествование.

Говоря о себе, автор чаще всего употребляет местоимение *ich* (например, строфы 6, 8, 20, 39, 68, 129, 140, 181, 196, 371, 568, 627, 1013, 1504, 2376), однако встречаются также варианты *wir* (например, строфы 90, 380, 1056, 1287) и безличное *man* (например, строфы 6, 27, 1060).

⁶ *Die drîe kunege wâren, als ich gesaget hân,
von vil hôhem ellen. in wâren undertân
ouch di besten recken, von den man hât gesaget,
starc und vil küene, in scharpfen strîten unverzaget.* [4. S. 6].

Три короля были, как я уже сказал, сильными и могучими. А в подчинении у них были лучшие герои, о которых рассказывали, могучие и сильные, стойкие в жестоких сражениях.

⁹⁰ *Er sach sô vil gesteines, sô wir hæren sagen,
hundert kanzwegene ez möhten niht getragen,
noch mê des rôten goldes von Nibelunge lant.
daz solt in allez teilen des küenen Sîvrîdes hant.* [4. S. 32].

Он увидел столь много драгоценных камней, так мы слышали, что на сотне повозок их было не увезти, а еще червонное золото из страны нибелунгов. Все это должна была разделить рука смелого Зигфрида.

В некоторых случаях автор высказывает свои предположения о чем-то (см. строфы 39, 68, 371, 1013), используя глагол *wænen*:

⁶⁸ *Ez was leit den recken. ez weinte ouch manec meit.
ich wæn, in het ir herze rehte daz geseit,
daz in sô vil der friuwende dâ von gelæge tôt. <...>* [4. S. 26].

Героям было тяжело. Многие девушки плакали. Я думаю, им, верно, подсказало сердце, что много друзей погибнет.

Такие авторские ремарки являются частью лейтмотива о трагическом будущем, которое ждет героев. Они добавляют дополнительные штрихи к идее неотвратимости судьбы, которая пронизывает текст поэмы.

Автор часто употребляет обороты, которые могли быть присущи устному рассказу (*als ich gesaget hân* ‘как я уже сказал’, *sô wir hæren sagen* ‘такой рассказ мы слышали’), и иногда обращается прямо к слушателю (строфы 181, 568, 627, 2376): ***Ich sag iu, wer der***

wære, der der warte pflac. – «Я скажу вам, кто это был, тот, кто нес дозор» (строфа 181) [4. S. 58]. Такое обращение сближает рассказчика и слушателя и лишний раз подчеркивает, что «Песнь о Нибелунгах» – это *mære*, что-то, о чем рассказывают много и с удовольствием, нечто широко известное.

Лексема *mære* не только характеризует «жанр» поэмы, но и широко используется в тексте «Песни» в значении ‘известия, вести, новости’:

¹⁷¹² *Die boten für strichen mit den mæren
daz di Nibelunge zen Hiunen wæren:
“du solt si wol enpfâhen, Kriemhilt, wrowe mîn.
dir koment nâch vil grôzen êren di vil lieben
bruoder dîn.”* [4. S. 500].

Посланники спешили с вестью, что нибелунги придут к гуннам:

– Встреть же их хорошо, Кримхильда, моя жена. Тебе большой почет от того, что [приедут] твои любимые братья.

У этой лексемы есть и значение «придворная беседа»: именно в этом смысле ее употребляет Хаген, когда говорит о гуннах в строфе 1956:

<p>“<i>si wæn lîht des enbæren, der an der tür dâ stât unt diu hovemære gesaget den Burgonden hât</i>” [4. S. 572].</p>	<p>– Они, я думаю, с удовольствием избавились бы от того, кто стоит у двери и рассказал бургундам придворные новости.</p>
---	---

В данном случае *hovemære* используется в ироническом смысле: имеется в виду известие о том, что гунны напали на бургундскую дружину. Приемами автора-рассказчика пользуются и внутренние рассказчики в поэме.

В их прямой речи также встречается формула «я / мы / кто-то слышал эту историю» или «мне это рассказывали» (строфы 86, 342), а также обращение к слушателю (строфа 419):

<p>⁸⁶ “<i>Dâ der helt aleine ân alle helfe reit, er vant vor eime berge, daz ist mir wol geseit <...></i>” [4. S. 30].</p>	<p>– Герой ехал в одиночку, безо всякой помощи, и он добрался до горы (именно так мне рассказывали).</p>
<p>³⁴² “<i><...> des sulen wir rîchiu kleider vor der frouwen tragen, daz wirs iht haben schande, sô man diu mære hære sagen.</i>” [Ibid. S. 104].</p>	<p>– ...при госпоже нам нужно носить богатую одежду, чтобы не навлечь на себя позор, когда об этом будут говорить.</p>
<p>⁴¹⁹ “<i>Er ist geborn von Rîne. waz sol ich dir sagen mër? <...></i>” [Ibid. S. 126].</p>	<p>– Он родился на Рейне. Что мне еще тебе сказать?</p>

Одной из интересных особенностей является случай вложенной прямой речи (строфа 88):

<p><i><...> ir einer drunder sprach: “hie kumt der starke Sîvrit, der helt von Niderlant.”</i> [4. S. 30].</p>	<p><i><...></i> Один из них сказал: – Вот идет могучий Зигфрид, герой из Нидерландов.</p>
--	---

Слова о Зигфриде вложены в прямую речь Хагена, который рассказывает историю о том, как Зигфрид добыл сокровище нибелунгов. Вложенная прямая речь, в отличие от косвенной, позволяет создать впечатление живого, реального рассказа.

На синтаксическом уровне в авторских ремарках наряду с презенсом встречается перфект (например, строфы 6, 196, 568, 1504), что является еще одним сигналом об изначальной устности. Речь автора от первого лица подчеркивает двойственную устно-письменную природу «Песни о Нибелунгах».

Заключение

Современные исследователи лишены возможности получить полную информацию о фонетической стороне устной речи, что значительно обедняет наши представления о том, как реально могли звучать средневековые произведения. Даже в хрониках, где летописец может ввести прямую речь исторического деятеля в качестве цитаты, происходят транспозиция и трансформация устной речи в письменную. По этой причине так важен критический подход к анализу прямой речи.

В прямой речи персонажей «Песни о Нибелунгах» отчетливо выделяются три плана: план устного предания, план устной речи XII–XIII вв. и план письменной (авторской) речи. К плану устного предания (чертам, унаследованным от устной традиции) можно отнести повторяемость отдельных речевых оборотов. Некоторые конструкции ввода прямой речи (типа *Dô sprach...*) имеют аналоги в эддической поэзии, что дает основание считать, что они подражают устной

традиции или заимствованы из нее. К плану устного предания можно отнести и речь автора-повествователя от первого лица, который иногда обращается прямо к слушателям и указывает, что он где-то слышал эту историю. Сходные черты присущи и речи внутренних рассказчиков. План устной речи XII–XIII вв. представлен в поэме этикетными формами речи (обращения, просьбы), а также оппозицией *ir – dû* («вы» – «ты»). Черты письменной речи прослеживаются в употреблении двойного отрицания и временных форм, основными из которых для прямой речи являются презенс и перфект индикатива. Еще одной существенной особенностью является употребление клитик. В прямой речи наблюдается большое количество как проклитик, так и энклитик, что во многом связано со способом построения двойного отрицания, когда клитика с отрицательным значением присоединяется к глаголу (проклитика) или местоимению (энклитика) в дополнение к отрицательному слову.

Кроме того, прямая речь героев позволяет судить о представлениях, характерных для общества того времени, например о том, что мужчина должен поучать жену (“*man sol vrouwen ziehen*”).

Для дальнейшего исследования важную роль играет синтаксический анализ. Поскольку в самой рукописи точками отмечены только границы полустроков и строк, в критических изданиях текста членение предложений зависит от подхода издателя. Особого внимания заслуживает вопрос о границах сложносочиненных предложений. В его решении может помочь составление деревьев зависимостей для неочевидных случаев, но большинство из них не относится к прямой речи.

В «Песни о Нибелунгах» прямая речь героев составляет значительную часть текста – примерно 38%, 24% из которых приходится на вторую часть поэмы (авентюры 20–39). Это позволяет говорить о том, что принципы организации и способы выражения прямой речи оказали существенное влияние на построение текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Г.А. Формульность ввода прямой речи в средневерхненемецкой литературе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016. С. 78–88.
2. Miedema N., Hundsnerscher F. (Hg.) *Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepik*. Walter de Gruyter, 2007. 328 s.
3. Becker A. *Poetik der wehselrede: Dialogszenen in der mittelhochdeutschen Epik um 1200*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern: P. Lang, 2009. 317 s.
4. Das Nibelungenlied. Mhd / Nhd. Nach der Handschrift B. Hrsg.: U. Schulze. Übers. u. Komm.: S. Grosse. Stuttgart: P. Reclam, 2010. 992 s.
5. Blockmans W., Hoppenbrouwers P. *Introduction to Medieval Europe 300–1500*. Taylor and Francis, 2014. 498 p.
6. Лорд А.Б. Сказитель. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.
7. Henning U. Die Bezeichnung des Redeeingangs im Nibelungenlied – eine “Formel”? // *Medium aevum deutsch: Beitr. zur deutschen Lit. des hohen und späten Mittelalters*. Festschrift für Kurt Ruh zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Dietrich Huschenbett et al. Tübingen: Niemeyer, 1979. S. 165–174.
8. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 363 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 октября 2018 г.

Direct Speech and First-Person Storytelling in Middle High German Epic Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 11–17.

DOI: 10.17223/15617793/439/2

Kseniia K. Kashleva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: kashleva@hse.ru

Keywords: Middle High German; epic poetry; *Nibelungenlied*; direct speech; syntax.

Epic Middle High German poetry is a sample of written language based on oral tradition. Such literary works can play an important role in addressing the issue of reconstruction of some features that are natural for medieval oral speech. To investigate these features, of particular concern is direct speech of characters and first-person storytelling. There are three primary aims of this study: (1) to explore aspects of direct speech of epic characters; (2) to examine the role and functions of direct speech in the text; (3) to investigate the relationship between direct speech of characters and first-person storytelling. This study uses a qualitative approach. The material for this study was the Middle High German epic poem *Nibelungenlied*. The current study found that direct speech of characters in the *Nibelungenlied* has three layers: the layer of oral tradition, the layer of oral speech of the 12th–13th centuries, and the layer of written language. The layer of oral tradition is presented by repetition of specific phrases. Some of speech patterns for introducing direct speech (like *Dô sprach...*) are comparable with patterns in the Eddic poems, which can indicate that such patterns emulate or are taken from oral tradition. To this layer also belongs first-person storytelling. The author sometimes addresses the listeners directly and points out that he has heard the story told. The same technique is used by inner storytellers. The layer of oral speech of the 12th–13th centuries is shown by ceremonial speech patterns (addresses, requests) and by the opposition between *ir* and *dû* (plural *you* and singular *you*). The layer of written language is exposed by double negation (emphatic negation) and tense forms. The main tense forms are the present indicative and the perfect indicative. Another essential feature is clitics. The results show that there is a big number of both proclitics and enclitics in the direct speech of epic characters. Clitics are an integral part of double negation. Double negation in Middle High German was usually presented by two negative words in the same sentence. One of these words was formed with adding either a negative proclitic to a verb or a negative enclitic to a pronoun. If we turn to the content, through direct speech we can see ideas that were typical of medieval society, for example, the real, not ceremonial, attitude to women. The study has shown that the share of direct speech in the *Nibelungenlied* is about 38% of the whole poem, 24% of which occurs in the second part (Chapters 20–39). These results suggest that direct speech has a great impact on the construction of the text.

REFERENCES

1. Baeva, G.A. (2016) Formul'nost' vvoda pryamoy rechi v sredneverkhnenemetskoj literature [Formality of introducing direct speech in Middle High German literature]. In: Baeva, G.A. et al. (eds) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* [German philology at St. Petersburg State University]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Miedema, N. & Hundsnerscher, F. (Hg.) (2007) *Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepik* [Forms and functions of speeches in the Middle High German Epic]. Walter de Gruyter.
3. Becker, A. (2009) *Poetik der wehselrede: Dialogszenen in der mittelhochdeutschen Epik um 1200* [Poetics of Vain Speech: Dialogue Scenes in the Middle High German Epic of 1200]. Frankfurt; Berlin; Bern: P. Lang.
4. Schulze, U. (ed.) *Das Nibelungenlied* [The Song of the Nibelungs]. Stuttgart: P. Reclam.
5. Blockmans, W. & Hoppenbrouwers, P. (2014) *Introduction to Medieval Europe 300–1500*. Taylor and Francis.
6. Lord, A.B. (1994) *Skazitel'* [Narrator]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Henning, U. (1979) Die Bezeichnung des Redeeingangs im Nibelungenlied – eine “Formel”? In: Huschenbett, H. et al. (eds) *Medium aevum deutsch: Beitr. zur deutschen Lit. des hohen und späten Mittelalters*. Festschrift für Kurt Ruh zum 65. Geburtstag. Tübingen: Niemeyer. (In German).
8. Meletinskiy, E.M. (1968) “Edda” i rannie formy eposa [“Edda” and the early forms of the epic]. Moscow: Nauka.

Received: 10 October 2018